

ТЕОРИЯ И ОБЩЕСТВО

А.В. Павроз, канд. полит. наук, ст. пр. кафедры политического управления факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета*

КОРПОРАТИВИЗМ: ИСТОКИ, ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Настоящая статья посвящена исследованию корпоративизма как теоретической доктрины и практики социально-политических отношений. В статье рассматриваются предпосылки возникновения, концептуальные основы и эволюция корпоративизма. Выявляется специфика корпоративизма как модели социально-политического взаимодействия и института формирования государственной политики в современных западных обществах. Отдельно в статье дается анализ практики использования и перспектив развития корпоративистской модели социально-политического взаимодействия в России.

Ключевые слова: корпоративизм, корпорация, социальная солидарность, группы интересов, представительство, социально-политическое взаимодействие, формирование политики.

This article is devoted to the research of corporatism as theoretical doctrine and a practice of sociopolitical relations. The article considers the prerequisites of origin, conceptual base and evolution of corporatism. This article reveals the specific character of corporatism as a model of sociopolitical interactions and policy making institution in contemporary West societies. The article promotes a particular analysis the practice use and the perspectives of corporative sociopolitical interactions model development in Russia.

Key words: corporatism, corporation, social solidarity, interest groups, representation, sociopolitical interactions, policy making.

Истоки современного корпоративизма восходят к специфической практике корпоративистской организации средневекового европейского общества, предполагавшей объединение индивидов в особые союзы, построенные по функциональному принципу (купеческие гильдии, ремесленные цеха и пр.). Создание подобных организаций, история которых восходит к V—VI вв., носило добровольный характер и обуславливалось нестабильностью ведущих социально-политических институтов, диктовавшей необходимость совместных действий для обеспечения безопасности и поддержания общественного порядка. Постепенно спектр функций данных

* Павроз Александр Васильевич — sash79@rambler.ru

союзов значительно расширился и стал включать в себя представительство интересов, устройство религиозной и общественной жизни, социальную поддержку, регулирование внутрикорпоративных отношений и обеспечение монопольных условий профессиональной деятельности. В результате указанные корпоративные организации превратились в первичные клетки, образующие живую ткань всего общественного организма¹.

Однако несмотря на богатую корпоративистскую традицию Средневековья, современный корпоративизм появился не как ее органическое продолжение, но как реакция на принципиально новые проблемы, связанные с утверждением рыночных принципов экономического взаимодействия и индустриализацией западных обществ. Становление капитализма коренным образом трансформировало систему социальных отношений и вызвало разрушение многих общественных институтов. Данное положение не обошло стороной и корпоративные союзы, которые хотя частично и пережили крушение феодальных структур, утратили бывшее влияние в обществе. В целом же новая модель социальных отношений имела не только позитивные (повышение эффективности производства, установление равноправия и пр.), но и негативные последствия в виде поляризации общества, нарастания антагонистических противоречий между классами и утраты социальной стабильности. К концу XIX в. обозначались две четко выраженные идеологические позиции по преодолению данных противоречий: либерализм настаивал на дальнейшем развитии рыночных и демократических институтов, а марксизм подразумевал переход к бесклассовому, коллективно управляемому обществу. В этой связи корпоративизм сформировался в качестве “третьего пути” — актуальной альтернативы и либерализму, и социализму.

Корпоративизм одновременно признавал бесперспективность либеральной социально-экономической модели и пагубность социалистических проектов переустройства общества. Сущность корпоративистского третьего пути заключалась в идее перехода от индивидуалистического к функционально организованному обществу, где базовой социальной единицей выступает не отдельный человек, а выделенная по функциональному принципу группа (корпорация). Целью подобных групп становилось не только исполнение определенных экономических (общественных) функций, но и социальная координация входящих в них индивидов. Правительство же должно лишь координировать взаимодействие данных вертикально интегрированных групп, формируясь на основе системы корпоративного представительства.

¹ См.: *Сванидзе А.* Средневековые корпорации // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 4/5 (48/49). С. 55—68; *Стрелец И.* Гильдии и гражданское общество в истории Европы (с 1250 г. до периода Реформации) // *Бизнес и политика*. 1995. № 1. С. 43—46.

Исходным постулатом идеологии корпоративизма стал идеал солидарного общественного устройства. Данный идеал противопоставлялся как индивидуалистическому хаосу либерализма, так и конфронтационной марксистской революционности. Наиболее последовательно программа достижения общественной солидарности посредством построения корпоративистской модели социально-политических отношений была разработана в трудах Э. Дюргейма и Л. Дюги.

Так, отмечая, что современному обществу присущи постоянные конфликты, беспорядки и насилие, Э. Дюргейм (1858—1917) объяснял их состоянием аномии, которое обусловлено отсутствием должного количества социальных образцов. Носителями данных образцов (“обязательных способов действия”) являются социальные группы. И поэтому преодоление общественной аномии французский исследователь связывал с формированием групп, в которых могла бы возникнуть необходимая система образцов социального поведения. В роли таких групп Э. Дюргейм видел корпорации, объединяющие всех работников одной отрасли, которые “вместо неупорядоченного и аморфного агрегата” должны стать “четко организованным общественным институтом”, взяв на себя не только профессиональные, но и социальные, просветительские функции, функции нравственного воспитания и поведенческой регуляции, заняв место “основного элемента социальной структуры”, с заменой территориального политического представительства корпоративным и превращением всего социума в “обширную систему национальных корпораций”².

Аналогичных взглядов придерживался и Л. Дюги (1859—1928), который негативно относился к практическим проявлениям и теоретическому обоснованию классовой борьбы, полагая, что каждый класс выполняет необходимую социальную функцию, чем обуславливается социальная солидарность как “факт взаимозависимости, соединяющей между собой в силу общности потребностей и разделения труда членов человечества”³. В этой связи главным императивом поведения индивидов и деятельности всех социальных институтов провозглашалось обязательство “не делать ничего, что наносит ущерб социальной солидарности, и делать все, что в состоянии осуществить и развить социальную солидарность”⁴. Практическое достижение общественной солидарности Л. Дюги связывал с развитием синдикатов, работающих на укрепление внутри- и межклассовой взаимной социальной зависимости, и трансформа-

² См.: Дюргейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 5—38.

³ Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909. С. 22.

⁴ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. Одесса, 2005. С. 18.

цией государства из института господства в орган, призванный выявлять и развивать социальную солидарность, конечной точкой эволюции которого представлялся “федерализм классов, организованных в синдикаты”⁵.

Схожие с корпоративизмом воззрения отстаивала и католическая церковь. В фундаментальной энциклике *Rerum Novarum* (1891) Папа Лев XIII, осуждая положение, при котором общество разделено “на две касты, пропасть между которыми все шире” — “класс, владеющий богатством и потому обладающий силою” и “нуждающуюся, обездоленную массу, озлобленную страданиями и всегда готовую к возмущениям”, отмечал, что великая ошибка состоит в представлении, согласно которому “один класс общества естественно враждебен другому и сама природа повелевает богатым и бедным постоянно конфликтовать друг с другом. Взгляд этот неразумен и ложен, истина прямо противоположна ему. Как симметрия человеческого тела обусловлена расположением его частей, так и в государстве, по самой природе, классы должны жить в полном согласии, приспособляясь друг к другу и поддерживая равновесие целого”. Церковь, по мнению понтифика, должна примирить богатых и бедных, причем не только посредством христианских наставлений, но и практическими делами — способствуя созданию католических союзов, которые, объединяя предпринимателей и рабочих, сближали бы оба сословия, тщательно согласовывая их права и обязанности, помогая нуждающимся, создавая фонды взаимопомощи, содействуя не только искоренению бедности, но и увеличению благосостояния всего общества⁶.

Наличие столь мощной теоретико-идеологической базы привело к широкому распространению корпоративистских идей в первой половине XX в., сделав корпоративизм, по справедливому заключению Г. Варды, «третьим великим “измом” современного мира»⁷. Многие политические течения как правого, так и левого толка в той или иной мере принимали принципы корпоративизма и включали их в свои программные документы. Однако наиболее полное воплощение корпоративистские идеи получили в доктринах и практике социально-политического устройства европейских фашистских режимов.

В первую очередь данное положение касается Италии конца 20-х — начала 40-х гг. XX в., где впервые на официальном уровне

⁵ Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. С. 52.

⁶ *Leo XIII. Rerum Novarum. On Capitol and Labor. Encyclical of Pope Leo XIII. May 15. 1891. L., 1892.*

⁷ *Warda H. Corporatism and Comparative Politics: The Other Great “Ism”. N.Y., 1997. P. 5.*

были провозглашены и законодательно закреплены основы корпоративного государства (“Хартия труда”, 1927). Данные реформы представлялись одними из важнейших социальных преобразований фашистского режима. Прежде всего корпоративные институты были призваны разрешить классовые противоречия: перевести борьбу классов в классовое сотрудничество и объединить классы в единую экономическую и моральную реальность в рамках государства. Помимо этого корпоративизм преподносился в качестве новой, более эффективной экономической модели, основывающейся на частной инициативе корпораций, несущих ответственность за свою деятельность перед государством, которая противопоставлялась как советскому социализму, так и американскому либерализму.

Значение подобной формы корпоративистского общественно-политического устройства, которая утратила большую часть социальноориентированных и демократических установок первоначальной теории корпоративизма и имела место не только в фашистских, но и в коммунистических режимах, а также во многих странах “третьего мира”, заключалось не столько в оптимизации представительства социальных интересов, сколько в том, чтобы установить для правящих групп эффективные механизмы общественно-политического господства и управления. Корпоративистские институты позволяли включать влиятельные общественные группы (финансово-промышленная олигархия, бюрократия, военные) в моноцентрическую политико-административную систему и улучшать управляемость общественно-политическими процессами. Фактически указанный тип корпоративизма стал своеобразной подсистемой тоталитарных и авторитарных режимов, суть которой состояла «в наличии жестких связей между принудительным образом созданными “корпорациями” или “синдикатами” и институтами государства, ответственными за состояние экономики и социальные отношения»⁸. Г. Алмонд и Дж. Пауэлл, в частности, выделили следующие черты подобной управляемой системы представительства интересов: 1) каждый сектор общества представлен одной группой; 2) членство в таких группах часто является принудительным; 3) каждая группа обычно имеет иерархическую структуру; 4) группы контролируются правительством или его органами в целях мобилизации поддержки политическому курсу правительства, — указав при этом, что смысл существования данной системы заключается в том, чтобы “облегчать контроль правительства над обществом”⁹.

⁸ *Перегудов С.П.* Корпоративизм и неокорпоративизм // Бизнес и политика. 1995. № 8. С. 34.

⁹ *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 140.

Дискредитация, связанная с практикой фашистских режимов, не привела к полному уничтожению корпоративизма в послевоенный период в странах Западной Европы. Многие государства, избегая употребления самого термина, продолжали в завуалированных формах проводить корпоративистскую политику, обозначая ее такими ценностно-нейтральными понятиями, как коммунитаризм, трипартизм, социальное партнерство и т.д.¹⁰ Данная политика развивалась, и уже к середине 70-х гг. XX в. в социально-политическом устройстве передовых демократических стран появилось множество элементов, характерных не для плюралистической, а для корпоративистской модели социально-политического взаимодействия: монопольное представительство интересов, обязательное членство в ассоциациях, активная направляющая роль государства и др.

Наличие и осознание данных особенностей в процессах репрезентации групповых интересов в демократически развитых странах и стали предпосылкой для выявления новой модели демократического корпоративизма (неокорпоративизма). Принципиальным в этой связи было четкое разграничение между старым (авторитарным, этатистским) и новым (либеральным, социетальным) корпоративизмом. Прежде всего новый корпоративизм не выступал в качестве особой идеологии или альтернативной формы государственного устройства, но представлял собой лишь определенную модель взаимодействия государства и групп интересов. Причем характер указанного взаимодействия в новом корпоративизме принципиальным образом отличался от старого корпоративизма в двух моментах: во-первых, «участвующие в неокорпоративном взаимодействии ассоциации являются добровольными» и, во-вторых, «их взаимодействие с государством носит также сугубо добровольный характер, строится на началах равенства сторон, причем они в любой момент вольны либо вообще прервать эти отношения, либо перевести их в категорию «плюралистических»»¹¹.

И хотя в практическом плане новый корпоративизм, так же как и старый, строится на формировании политики в рамках тесного и зачастую закрытого взаимодействия между наиболее крупными группами интересов и государственными институтами, характер указанного взаимодействия существенно изменился: группы получили большую свободу, а директивная роль государства сократилась. При этом новый корпоративизм исходит из идеалов социального консенсуса, предполагая совместное достижение общих

¹⁰ Adams P. Corporatism and Comparative Politics. Is there a New Century of Corporatism? // Comparative Politics: Critical Concepts in Political Science / Gen. ed. H. Wiarda. Vol. 1. History, Theory, Concepts. N.Y., 2005. P. 245.

¹¹ Перегудов С.П., Липина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и российское государство. М., 1999. С. 34.

целей посредством сближения государства и групп интересов для гармонизации социальных противоречий и общего решения социально-экономических проблем.

Интеграция групп интересов в процессы выработки и реализации государственной политики осуществляется в корпоративистской модели социально-политического взаимодействия на основе делегирования государством тем или иным группам права монопольного представительства по отношению к своей категории интересов. При этом подобный привилегированный характер включения в политико-административные процессы предполагает и некоторые ответные обязательства со стороны групп интересов, связанные не только с лояльностью по отношению к государству, правом государства участвовать в подборе лидеров и определении характера артикуляции представляемого данной группой интереса, но прежде всего с более активным и ответственным вовлечением данных групп в процессы государственного управления.

Таким образом, корпоративизм подразумевает отношения между государством и ключевыми группами интересов, включающие, во-первых, посредничество, т.е. заключение соглашения с государством, институтами, стоящими между государством и индивидами, от имени последних, и, во-вторых, инкорпорацию, т.е. наличие у данных организаций особого статуса, превращающего их в некоторых отношениях в фактическое продолжение государства.

Корпоративистская модель социально-политического взаимодействия предполагает определенные правила взаимодействия групп интересов и государства. Так, Г. Алмонд и Дж. Пауэлл выделили следующие основополагающие черты данной модели: каждый социетальный интерес обычно представлен единой головной ассоциацией; членство в такой ассоциации часто является обязательным и почти всеобщим; головные ассоциации имеют централизованную структуру и направляют действия своих членов; во многих случаях группы интересов систематически участвуют в выработке и осуществлении политического курса¹². Ф. Шмиттер следующим образом раскрывает наиболее важные аспекты данной модели: “Неокорпоратизм есть система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей”¹³.

¹² См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Указ. соч. С. 137.

¹³ Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. 1997. № 2. С. 15.

Процесс определения политического курса в корпоративистской системе социально-политического взаимодействия основывается не на балансе сил множества конкурирующих между собой групп интересов как в плюралистической системе, но происходит в результате сложного, институционализированного, ориентированного на консенсус взаимодействия между государством и ограниченным числом крупных, агрегированных групп интересов. Сильное государство инкорпорирует группы интересов в политико-административную систему. Группы интересов оказываются прочно вписанными в правительственный процесс и участвуют в формировании политики на основе монопольного представительства и своеобразного функционального разделения труда¹⁴. В рамках взаимодействия с группами интересов государство выступает не столько в роли арбитра, призванного поддерживать “правила игры” и фиксировать достигнутый баланс интересов, сколько в качестве доминирующего актора, решающим образом влияющего как на процессы, так и на результат выработки политики.

Конечно, плюралистическая и корпоративистская модели взаимодействия государства и групп интересов носят идеально-типический характер, и в большинстве политических систем процессы репрезентации интересов строятся на сочетании принципов указанных моделей. Однако вместе с тем следует указать, что в современном мире существуют страны с ярко выраженными плюралистическими (США, Канада, Новая Зеландия) и корпоративистскими (Австрия, Норвегия, Швеция, Дания, Германия, Нидерланды) системами представительства групповых интересов. Причем начиная с 90-х гг. XX в., как справедливо отмечают Ф. Шмиттер и Ю. Гроте, наблюдается возрождение корпоративизма, связанное с такими факторами, как обострение мировой конкуренции, рост социальной напряженности под воздействием глобализации и западноевропейской интеграции и спад неоконсервативной волны¹⁵.

Таким образом, современный корпоративизм, не замещая, а дополняя демократические институты партийно-электорального представительства, получил широкое распространение в виде функциональной системы отношений между группами интересов и государством. В этой связи, объективно выступая в качестве альтернативной плюрализму модели формирования государственной политики, современный корпоративизм не является ее идеологическим антагонистом, всецело существуя в ценностных и институциональных рамках плюралистической демократии в виде специального

¹⁴ *Lehmbruch G.* Introduction: Neo-corporatism in Comparative Perspective // *Patterns of Corporatist Policy-making* / Eds. by G. Lehmbruch, Ph. Schmitter. L., 1982. P. 5–6.

¹⁵ *Schmitter Ph., Grote J.* Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future // *EUI Working Paper SPS. 1997. N 4.*

набора добровольно принимаемых правил социально-политического взаимодействия. Однако утверждение во многих странах данных правил выработки политического курса, основывающихся на консенсуарном и субсидиарном взаимодействии правительства с агрегированными, иерархически организованными общественными объединениями, в большой степени способствовало осуществлению изначальных корпоративистских идеалов XIX — начала XX в. — преодолению классовых противоречий и достижению социальной солидарности в обществе.

В целом следует сказать, что корпоративизм, имея весомое влияние на протяжении всего XX в., последовательно эволюционировал от абстрактной доктрины, предполагавшей тотальное общественное переустройство, к ценностно-нейтральной практике социально-политического взаимодействия, заняв ведущее место в системе политических отношений современных западных обществ. В 80—90-е гг. в ходе волны нелиберальных реформ корпоративистские модели выработки политического курса были подвергнуты обширной критике за ограничение политической и главным образом экономической конкуренции. Однако, несмотря на серьезную идеологическую и политическую поддержку, данная тенденция не получила развития и заметного отхода от корпоративистских механизмов включения наиболее значимых групп интересов в процессы принятия политических решений не произошло. Есть все основания утверждать, что в ближайшей исторической перспективе корпоративизм останется одним из важнейших институтов формирования государственной политики в Западной Европе и США.

Отдельно необходимо указать на то, что рассмотренные в настоящей статье вопросы имеют непосредственное отношение к проблематике политического и социально-экономического развития современной России. И если отмеченная выше глобальная нелиберальная тенденция в значительной степени определила содержание российских реформ в 90-е гг. XX в., выдвинув в качестве образца либеральную, плюралистическую модель общественно-политического устройства, то направленность преобразований 2000-х гг. в России во многих аспектах близка освещенной в данной статье теории и практике корпоративизма.

Разумеется, и российский плюрализм, и российский корпоративизм рубежа XX—XXI вв. имеют уникальные свойства, которые отличают их от классических западных прототипов. Главным среди них, безусловно, является гипертрофированное влияние ведущих экономических и бюрократических групп интересов на процессы выработки и реализации государственной политики. Однако механизмы данного доминирования, положение органов публичной власти и характер их отношений с указанными группами суще-

ственно различаются в России 1990-х и 2000-х гг., и эти отличия могут быть успешно объяснены переходом от плюралистической к корпоративистской системе социально-политического взаимодействия.

Утверждение в начале 90-х гг. демократических политико-правовых институтов не привело к формированию эффективно действующей либеральной демократии в России. В условиях низкого потенциала массового политического участия и десубъективизации центральных органов государственной власти установление плюралистической модели принятия политических решений способствовало безусловному доминированию в процессах формирования политики привилегированных экономико-бюрократических групп интересов, связанных с крупнейшими бизнес-структурами, сконцентрировавшими в своих руках колоссальные экономические ресурсы, и наиболее организованными частями бюрократического аппарата, контролировавшими значительный административный ресурс. Подобный элитистский плюрализм, в рамках которого властные решения детерминировались равнодействующей давления наиболее сильных экономических и бюрократических групп интересов, превращал действующий политический режим в картельную систему социально-политического взаимодействия с фактической монополизацией влияния указанных групп интересов на центры политической власти посредством выстраивания “эксклюзивных” отношений с государственными институтами и оттеснения прочих, непривилегированных групп интересов от процессов формирования политического курса. Подобная модель социально-политического взаимодействия предопределила недемократический (сверхпредставленность приближенных административно-экономических групп интересов) и нерыночный (наличие необоснованных привилегий, получаемых благодаря “особым” отношениям с органами государственной власти) характер общественного устройства современной России.

Реформы 2000-х гг., расширив прерогативы президента в сфере принятия решений и укрепив политико-административный потенциал государства, ознаменовали собой отказ от прежнего типа лидерства, основанного на том положении, что президент признавался в качестве центра принятия политических решений лишь благодаря своеобразной роли арбитра в перманентном конфликте различных властных группировок, и принятие новой модели правления, подразумевающей главенствующую директивную роль президента в формировании политического курса с включением на корпоративистской основе иерархического соподчинения ведущих групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль, возглавляемую главой государства. В условиях сокращения поли-

тического плюрализма процессы выработки политических решений оказались локализованными внутри ближайшего окружения президента с ситуационным привлечением к обсуждению профильных вопросов представителей ограниченного числа встроженных во властные механизмы привилегированных общественных групп. Однако несмотря на модификацию процессуальной составляющей формирования политического курса, его сущностные основы затронуты не были. Имевшие место реформы, усилив позиции президента и автономию государства, скорректировав баланс сил экономико-бюрократических группировок, переведя отношения с ними с плюралистической на корпоративистскую основу, не изменили того положения, что указанные группы остаются главными контрагентами государства в процессах определения политики и их интересы очевидным образом превалируют в принимаемых публичными органами власти политических решениях.

Обобщая приведенные выше свойства, можно сделать вывод о том, что сложившаяся в России система правления в наибольшей степени напоминает модель авторитарного корпоративизма. Вместе с тем данная констатация не означает справедливости однозначно негативных оценок данной системы. Не вызывает сомнений целесообразность проведенных в начале 2000-х гг. реформ, направленных на усиление роли президента и укрепление государственного аппарата в контексте жизненной необходимости предотвращения нарастающего распада базовых социально-политических институтов и наведения элементарного порядка в стране (задача, решение которых во многих отношениях до сих пор остается актуальным). Однако столь же очевидно, что подобная автократическая, заорганизованная модель формирования политики не имеет исторических перспектив с точки зрения достижения более фундаментальных модернизационных целей, стоящих в настоящее время перед российским обществом.

Опираясь на материалы настоящей статьи, важно подчеркнуть, что достижение данных целей возможно не только в рамках либеральных, плюралистических моделей общественно-политического устройства, но и в современных корпоративистских системах западноевропейского образца, подразумевающих наличие действенных механизмов демократического представительства, большую управляемость социальными процессами и консенсуарный характер взаимодействия между общественными группами и государством. Причем подобные системы не только ближе к имеющейся в настоящее время модели организации власти, но и, по всей видимости, в большей степени соответствуют фундаментальным установкам российского общества. В этой связи есть все основания полагать, что неокорпоративизм может стать значимой альтерна-

тивной политического и социально-экономического развития России в XXI в.

Таким образом, рассмотренная в настоящей статье теория и практика корпоративизма представляется актуальной как для западных обществ, так и для современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002.

Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. Одесса, 2005.

Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909.

Дюргейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

Перегудов С.П. Корпоративизм и неокорпоративизм // Бизнес и политика. 1995. № 8.

Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

Сванидзе А. Средневековые корпорации // Неприкосновенный запас. 2006. № 4/5 (48/49).

Стрелец И. Гильдии и гражданское общество в истории Европы (с 1250 г. до периода Реформации) // Бизнес и политика. 1995. № 1.

Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. 1997. № 2.

Adams P. Corporatism and Comparative Politics. Is there a New Century of Corporatism? // Comparative Politics: Critical Concepts in Political Science / Gen. ed. H. Wiarda. Vol. 1. History, theory, concepts. N.Y., 2005.

Lehmbruch G. Introduction: Neo-corporatism in Comparative Perspective // Patterns of Corporatist Policy-making / Ed. by G. Lehmbruch, Ph. Schmitter. L., 1982.

Leo XIII. Rerum Novarum. On Capitol and Labor. Encyclical of Pope Leo XII May 15, 1891. L., 1892.

Schmitter Ph., Grote J. Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future // EUI Working Paper SPS. 1997. N 4.

Wiarda H. Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Ism". N.Y., 1997.